

«Человек на своем месте», «Собственное мнение», «Любовь земная», «Вкус хлеба», «Москва слезам не верит»... Когда начинаешь вспомнить ленты, в титрах которых — имя кинодраматурга Валентина Черных, замечаешь некую общую закономерность, характерную для его творчества. Валентин Черных упорно и последовательно разрабатывает в кино современную тему. Каждый из его фильмов, затрагивая ту или иную область общественной жизни с ее победами и сложностями, вызывает острый интерес в зрительской среде. Успех четырехсерийной эпопеи «Вкус хлеба», поставленной режиссером Алексеем Сахаровым, подтвержден присуждением его создателям Государственной премии 1980 года. С этого фильма и началась беседа нашего корреспондента с В. Черных.

— Валентин Константинович, хотелось бы, пользуясь случаем, поздравить вас с высокой наградой. Думаю, что и нашему поздравлению присоединятся и читатели «ЛГ»...

— Спасибо. Целинная киноэпопея «Вкус хлеба» — плод творческого содружества большого коллектива — кинематографистов студий «Казахфильм» и «Мосфильм». Рассказать с экрана, как решалась нашей страной огромная по своему масштабу историческая задача — освоение целины, мы считали для себя главным. Ведь целина — это не только экономическая проблема, в значительной степени это была проблема нравственная, напрямую связанная с формированием социального, нравственного облика советского человека. Теперь эпоха освоения целины стала уже историей. Так же как стали историей годы первых пятилеток, Великая Отечественная война. Так же как стал историей и период восстановления народного хозяйства в послевоенные годы, который теперь мы называем одним емким словом — возрождение. Работа над «Вкусом хлеба» останется в нашей памяти на всю жизнь, потому что все мы как бы ощутили дыхание того, неповторимого времени, познакомились с людьми, которые творили историю. Во многом именно они и послужили прототипами героев нашей картины.

Валентин ЧЕРНЫХ

тех, что начались на неосвоенных целинных землях в памятную весну 1954 года... И когда кинематографисты будущих поколений вновь захотят прикоснуться к этому неисчерпаемому материалу, возможно, они используют и наш опыт...

— У большинства любителей кино еще свеж в памяти успех вашего последнего фильма «Москва слезам не верит». Как вы сами относитесь к прокатной судьбе фильма?

— Давайте по порядку. Как я отношусь к успеху фильма? Естественно, хорошо. И я лично не знаю людей, которые бы к успеху своей работы относились равнодушно или плохо. Успех — это почти всегда рекорд в чем-то. А рекорд в наше время труднодостижим и поэтому особенно ценен. Технологически процесс творчества нашей картины,

ва за много веков изменился мало. Все то же самое. Лист бумаги, перо и чернила: сам придумываешь, исполняешь и планируешь... успех. Да-да, именно планируешь. Все писатели и во все времена жаждали, стремились к успеху, добивались его. Причем успех им нужен был не для себя лично, а для собственного детища — произведения искусства, рожденного в сомнениях и муках творчества. Именно поэтому так щадительно отщипывали они каждую фразу, переписывали ее сотни раз. Чтобы фраза звучала. Чтобы ее запомнили. Чтобы она осталась в памяти.

Если произведение искусства создается для людей, а не для личного пользования, оно должно непременно завоевать у людей успех. Кино слишком дорогостоящее удовольствие для государства, чтобы масте-

му человека труда, его нелегкую, но прекрасную жизнь. Да — если речь идет об успехе фильма нужного, доброго, чуткого к людям. И безусловно чет — если массовым успехом начинают пользоваться картины, по сути своей вредные, лишенные человеческой, художественной, идейной значимости.

— Ну, а как же в таком случае быть с пресловутой «Есенией» или каким-нибудь «киношедевром» того же пошиба, к примеру, «Четырнадцать мушкетерами» — фильмами, о художественном уровне которых просто не приходится спорить?

— «Есению» я, к сожалению, не видел. Но думаю, что в этом фильме при всей его незначительности было что-то такое, что привлекло к нему зрительское внимание. Наша критика объявила этот фильм синонимом кинопошлости. Это

львов и львиц на ура принимались в дешевенных синематографах, а высокообразованные «интеллигенты» умно и долго рассуждали с экрана о потребностях «народа», давно минувало. Уровень нашего зрителя достаточно высок. И «поднимать» до подлинных шедевров зрителя не надо — он сам без труда может распознать этот шедевр. Если ему, конечно, не помешает критика и поможет кинопрокат. Искусство — не подъемный кран, а его деятели — не такелажники. Искусство есть искусство. В этом вся простота и вся безмерная сложность проблемы. По словам В. И. Ленина, искусство «должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимыми ими». К сожалению, мы не

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

КИНО И ЗРИТЕЛЬ

просто и очевидно. Сложнее понять, сделать выводы, к чему поучиться. Если у «Есении» были миллионы зрителей, то одно это уже повод и причина для серьезного раздумья.

— В последнее время проблема «обратной связи» фильма со зрителем стоит в центре внимания критики и кинематографистов. Об этом много пишут, спорят, высказывают диаметрально противоположные точки зрения.

— Да, да, часто пишут, к примеру, о нетребовательности художников, которые потакают нетребовательной публике, идут у нее на поводу. Но, во-первых, что значит идти на поводу? Можно ли, например, идти на поводу у природы? Не только можно, но и нужно. Потому что зима есть зима, и надо одеваться потеплее. Это реальность. Такая же реальность и зритель, который идет или не идет в кинотеатр. Во-вторых, нет, по моему, ничего легче, чем раскритиковать публику, и ничего труднее, чем по-настоящему понравиться ей. Высокомерие утверждает, что фильм, собравший аудиторию в 50—70 миллионов человек, еще не сошедший с экранов, имеет успех мнимый, — это значит проявить неуважение к миллионам зрителей. Время, когда низкопробное балаганное развлечение по имени «кинематограф» было только утехой, когда салонные мелодрамы из жизни великосветских

всегда помним об этом. И в том, что в последнее время в нашем кино стали думать о зрителе, нет ничего предосудительного. Наоборот, это надо всячески приветствовать.

Еще в тридцатые годы мастера советского кино создали и осмыслили программу достижения массового успеха. Строя основы советской кинематографии, они смело использовали веками проверенные и отточенные массовые жанры и приемы, или, как говорил С. Эйзенштейн, заставляли «буржуазно работать на субботнике». Думаю, что и сегодня мы обязаны воевать за зрителя.

Мне приходилось слышать мнения, что «Экипаж» плох, скажем, уже потому только, что сделан по виртуозно использованному макету «фильма-катастрофы», а «Пираты XX века» — так как прославляют в основном только физическую силу героев. А между тем фильмы эти, хотя и неравноценные по своей художественной значимости, рассказывают о наших советских людях, об их жизни, мужестве, героизме в экстремальных ситуациях... Другое дело, конечно, что в «Пиратах...» допущен просчет на уровне сценария: герой силен и ловок, но явно глуповат. Это своеобразный вариант Тарзана-80. В том виде, в котором сделан этот фильм, он вряд ли найдет подражателей в нашем кинематографе.

Но я хотел бы обратить внимание на следующий аспект: фильмы такого типа — очень зрительские фильмы, особенно популярные среди молодежи. По-видимому, у юного зрителя есть потребность в смелом, сильном и мужественном герое — героев без страха и упрека. Эти прекрасные качества не должны быть дефицитом в нашем кино.

Мне кажется, что успех фильма как произведения искусства лежит как раз на пересечении верно угаданной жизненной тенденции и высоких, ответственных задач воспроизведению действительности во всей ее полноте, при наполнении «каркаса» недоторканным, интересным для зрителя, идейно значимым содержанием. Отсутствие первого, как правило, ведет к дидактике и сухости, отсутствие второго

Мы искали возможность этого успеха в осуществлении своеобразного принципа эстетического восприятия: в его иногда инстинктивном стремлении искать в бурном потоке информации некие постоянные, несменяемые ориентиры. Этот принцип можно было бы определить так — «незнакомое в знакомом». Ситуации, положенные в основу сюжета фильма, знакомы в принципе почти всем: притча о трех девицах-красавицах, загадывающих в морозную ночь заветное желание. Наконец, обычная житейская мелодрама, где есть и обманутая, но честная девушка, которую принято жалеть, и похотливый соблазнитель, на которого обычно взирают несколько свысока; мол, на вот тебе! — и, конечно же, истинный герой — человек без страха и упрека. Все так. Задача

— к быстропроходящему увлечению зрителей нехитрой поделкой, к обыкновенному погоде за модой, к бесконечному повторению штампов: «что нынче носят?» Вор-рецидивист? Давайте вора! Стиль ветро? Конечно-конечно... Ловкий, смелый, глуповатый? А что? Можно и так... Хотя здесь, как и в любом неоднозначном процессе, есть свои «кно»... Модно еще не всегда означает плохо. Один философ даже говорил: «Лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде». Мода — это тоже тенденция. Это почти всегда увлечение. А увлечение надо использовать. Год назад вышел фильм «Женщина, которая поет» с участием Аллы Пугачевой. Фильм этот тоже пользовался успехом, хотя художественные достоинства его были весьма и весьма невелики. Но если говорить о тенденции, то фильмы такого рода, только на высоком художественном уровне, очень нужны. Точно так же, как нужны и фильмы о спорте, который приобрел небывалую популярность среди молодежи, составляющей, как известно, большинство потенциальных кинозрителей. А таких фильмов, как, впрочем, и музыкальных, снимается еще мало...

Хочу еще раз вернуться к началу нашей беседы и подробнее ответить на один из ваших первых вопросов. Когда фильм «Москва слезам не верит» вышел на экраны и стал очевидным интерес к нему зрителей, многие с некоторой даже надеждой в голосе спрашивали меня и режиссера В. Меньшова: «Вы ведь, наверное, и думать не думали о таком успехе?..» Нет, думали, стремились к нему, более того — всячески предусматривали! Успех у зрителей — дело неслучайное, это всегда заранее спланированная ак-

только была в том, чтобы вдохнуть в это «знакомое-презнакомое» содержание нашей сегодняшней жизни. Удалось ли это? Судить опять-таки не мне. Но когда я слышу упреки: так не бывает, не было, мы не встречали, не может «директорша», к примеру, полюбить слесаря, пусть даже и мастера золотые руки, не может простая девушка с ребенком на руках, не семи пядей во лбу, без роду без имени, вот так взять да и сделать уважаемым всеми депутатом и руководителем, — когда я слышу подобные возражения, всегда на память приходят знаменитые слова Белинского о том, что в искусстве не имеет никакого места вопрос «было ли это?», но оно всегда должно положительно отвечать на вопрос: «возможно ли это, может ли это быть в действительности?». Письма от зрителей, отзывы о фильме в прессе и, наконец, многолетние наблюдения за биографиями реальных людей подсказывают: такое не только возможно, но было, есть и будет, такое, наконец, должно быть. Ибо в том, что человек сумел сам, своими руками построить свою жизнь, в его вере, оптимизме и силе — качествах, так присущих именно советским людям, — есть реальная, запоминающаяся, прекрасная черта нашего сегодня...

При этом мы стремились построить повествование так, чтобы зритель очень живо и разнообразно откликался на жизнь нашей героини — чтобы он и смеялся, где это возможно, и жалел бы ее, и даже испытывал страх — причем не только в сцене уличной драки, в которую вступает героиня А. Баталова, а и в обыденной житейской ситуации — «неприбранном горе» Катерины Тихомировой. Мы попытались угадать тенденцию и совмес-

тить ее с рассказом о новом, сегодняшнем человеке. К тому же мы взяли людей своего поколения, которым сегодня под сорок или чуть за сорок, а это поколение мы знаем хорошо.

— В нашем разговоре уже не раз прозвучало слово «тенденция». Как бы вы определили значение этого слова?

— Говоря попросту, это то, что у всех постоянно «на слуху», «на виду», то, что особенно волнует людей в данный момент. Тут может быть все что угодно, что есть в жизни. Могут быть и так называемые «болевые точки», как я определяю для себя некоторые наметившиеся сегодня шероховатости жизни. К примеру, проблема «вещизма», покупательский бум, который достиг сегодня пика. «Вещизм» отравляет жизнь, служит причиной стрессовых ситуаций, многих конфликтов, разъедает душу, ведет к моральному оскудению. Я думаю, что искусству пришла пора всерьез обратить внимание на эти явления, осмыслить и проанализировать их. На Октябрьском (1980 г.) пленуме ЦК КПСС было обращено внимание на производство группы «Б». Экономисты и производственники эту проблему будут решать своими средствами, искусство должно — своими, ибо это проблема не только экономическая, но и нравственная, и эстетическая, и даже философская. Несколько лет назад я начал посещать различные швейные предприятия, дома моделей, разговаривал с директорами фабрик, конструкторами, модельерами, технологами. Меня интересовало, почему мы еще так плохо одеваемся, что этому мешает. В результате этих поездок я написал сценарий «Храбрый портной». Надеюсь, что фильм под таким названием привлечет внимание зрителей. Не самонадеяно ли? Думаю, не очень... Потому что в сценарии говорится о том, что волнует сегодня если не всех, то, во всяком случае, очень и очень многих. Конечно, в кино ничего нельзя утверждать с полной очевидностью, потому что кинематограф — искусство коллективное: можно ведь и ошибиться при выборе актеров, художника, оператора и т. д. Но это уже чисто кинематографическая технология. И на успех будущего фильма эта технология влияет, к сожалению, самым непосредственным образом...

— Валентин Константинович, уже из нашей беседы понятно, как много разных обстоятельств влияет на успех фильма. И все-таки есть, наверное, что-то самое главное...

— Главное? Если наш фильм каким-то образом отзовется в душах людей, заставит их плакать, смеяться, переживать, оценивать себя и свою жизнь, укрепляясь в правильности выбранного жизненного пути, или заставит изменить его, станет для зрителя другом, советчиком, веселым и умным собеседником, от общения с которым легко и радостно, то тогда можно будет считать успех фильма состоявшимся — успех дела, которому ты служишь, которым живешь, в которое веришь.

Беседу вел М. ЛЕВИТИН